Кража и присвоение найденного: проблемы соотношения и выявления разграничительных признаков

ХИЛЮТА Вадим Владимирович, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, кандидат юридических наук, доцент

230000, Республика Беларусь, г. Гродно, ул. Ожешко, 22

E-mail: tajna@tut.by

В работе раскрывается актуальная проблема разграничения кражи и присвоения найденного имущества, имеющая особое значение для действующей правоприменительной практики. Подробно рассмотрены признаки кражи и находки в доктрине уголовного права. Значительное внимание уделено анализу присвоения найденного имущества, его характерных признаков и элементов. На основе изучения материалов судебно-следственной практики России рассмотрены основные положения науки уголовного права применительно к объективным признакам кражи и присвоения найденного чужого имущества. Предлагаются теоретические и практические рекомендации по применению норм уголовного законодательства при разрешении спорных вопросов квалификации преступлений против собственности.

Исследование основывается на теоретико-инструментальном, формально-догматическом, сравнительно-правовом и системно-структурном методах познания, позволяющих комплексно рассмотреть поставленную проблему.

Целью исследования является разработка критериев разграничения кражи и присвоения найденного имущества. Выделены некоторые объективные признаки кражи, уточнены сущностные и содержательные аспекты «тайности» хищения. По мнению автора, оптимальных критериев разграничения кражи и присвоения найденного имущества должно быть несколько, которые следует идентифицировать с учетом гражданско-правового понимания признаков находки и их преломления в уголовном праве. Разрабатываемые критерии, будучи построенными на базе формальной логики, должны основываться на выдержавших испытание критикой традиционных положениях учения о хищении, но при этом не быть оторванными от потребностей практики и являться сугубо догматической конструкцией.

Ключевые слова: кража, присвоение, находка, чужое имущество, собственность, имущественные преступления.

Theft Offence and Appropriation of Found: Problems of Correlation and Identification of Differentiating Features

V. V. KHILYUTA, associate professor at the Department of criminal law, criminal procedure and criminalistics of the Yanka Kupala State University of Grodno, candidate of legal sciences, associate professor

22, Ozheshko st., Grodno, Belarus, 230000

E-mail: tajna@tut.by

The paper reveals the actual problem of differentiation of theft and appropriation of the found property, which is of importance for the current law enforcement practice. The features of theft and findings in the doctrine of criminal law are considered in detail. Much attention is paid to the analysis of the appropriation of found property, its characteristic features and elements. Based on extensive study of materials of Russian judicial and investigative practice, the main provisions of the criminal law science in relation to the objective features of theft and appropriation of someone else's property are considered. Theoretical and practical recommendations on the application of criminal law in resolving disputes concerning the qualification of crimes against property are proposed.

The aim of the work is to develop criteria for differentiating between theft and appropriation of found property. For this reason, the author identified objective signs of theft (it is not intended to give a detailed analysis of all the signs of theft, and attention was paid only to the method of action in the theft and its value), clarified the essential and substantive aspects of the "secrecy" of theft, and on this basis continued to search for optimal criteria for distinguishing theft and appropriation of the

found property. The author argues for the position that there should be several such criteria (and they cannot be stereotyped) and proposes to identify them considering the civil understanding of the signs of discovery and their refraction in criminal law.

In the course of the study, the author proceeded from the assumption that the criteria being developed, being built based on formal logic, should be based on the traditional provisions of the doctrine of theft that have stood the test of criticism, but should not be divorced from the needs of practice and be a purely dogmatic construction. The research is based on the theoretical and instrumental, formal-dogmatic, comparative legal and system-structural methods of cognition, allowing to consider the problem in a complex way.

Keywords: theft, appropriation, discovery, other people's property, property, property crimes.

DOI: 10.12737/art_2019_2_12

Уголовно-правовая охрана собственности продолжает относиться к числу актуальных и, пожалуй, наиболее глубоко разработанных в доктрине уголовного права фундаментальных проблем. Исследованию данного феномена посвящено несколько докторских, сотни кандидатских диссертаций, множество монографий и учебных пособий. Количество статей по данной проблематике даже трудно пересчитать¹. При этом в недрах теории и практики уголовной ответственности за посягательства на собственность (имущественные преступления) таится немало спорных и остро дискуссионных вопросов. Одни из них касаются эмпирического уровня проблемы и относятся к комментированию требований уголовного закона, тогда как другие поднимаются на более высокую, а потому и значительно более сложную ступень иерархии аспектов данной проблематики.

Тем не менее в среде практических аспектов квалификации имущественных преступлений зрится множество нерешенных задач и проблем, требующих разумного разрешения как с точки зрения

действующего уголовного закона, так и с доктринальных позиций. Одной из таких проблем, неадекватно воспринимаемых в науке уголовного права и судебно-следственной практике, является дилемма поиска надлежащих критериев разграничения кражи и присвоения найденного имущества². Базовый вопрос здесь заключается в том, является ли имущество чужим в случае, когда собственник не отказался от своего титула, но при этом сам утратил господство над вещью и никому не вверил ее.

Различные обзоры, обобщения и материалы судебно-следственной практики наводят на мысль о нетождественном правопонимании сущностных признаков кражи и присвоения найденного, способе действия при присвоении находки и его содержательных аспектах, пределах толкования признаков забытого и потерянного имущества, а также о содержании границ владения собственника при утере им имущества. Причем, высказывая различные доводы в развитие отстаи-

¹ Особо отметим следующие: Бочкарев С. А. Собственность в уголовном праве. М., 2011; Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность. М., 2012; Шульга А. В. Хищения в условиях развития современных информационных технологий и рынка инновационных товаров. М., 2016; Хилjuta В. В. Понятие и признаки хищения в уголовном праве. М., 2016.

² См.: Скляр С. Кража забытого имущества // Уголовное право. 2017. № 3. С. 68—73; Бриллиантов А. Хищение или неосновательное обогащение? // Уголовное право. 2016. № 4. С. 9—13; Карпов К. Н., Галян С. В. Квалификация неправомерного присвоения найденного имущества // Законодательство и практика. 2014. № 1. С. 46—49; Васильев Д., Васильев С. Находка или кража? // Законность. 2007. № 9. С. 32—34; Хилjuta В. В. Присвоение потерянных и забытых вещей // Уголовное право. 2010. № 1. С. 45—48.

ваемых позиций, можно обращаться к многочисленным судебным решениям и искать правовое обоснование и надлежащие критерии разграничения кражи и находки. Заметим, что таковых немало и они имеют свои содержательные аспекты. Однако важно в данном вопросе понять логику уголовно-правовой квалификации, научное обоснование применения уголовно-правовой нормы и очертить разумные точки соприкосновения обозначенных критериев.

Итак, сущность кражи состоит в тайном хищении чужого имущества, где содержание преступных действий (как объективно, так и субъективно) выражается в том, что вор стремится избежать какого бы то ни было контакта с собственником (владельцем) имущества либо с иными лицами, которые могут воспрепятствовать преступлению или изобличить преступника. Противопоставляя тайное хищение открытому, уголовное законодательство исходит из того, что при открытом, явном завладении чужим имуществом преступник пренебрегает окружающими и проявляет больше дерзости, вследствие чего и наказание должно быть более тяжким³. Основными особенностями, характеризующими признаки кражи, являются следующие обстоятельства: а) виновное лицо не имеет юридических правомочий в отношении похищаемого имущества (завладевая чужим имуществом, лицо осознает, что не имеет ни действительного, ни предполагаемого права на иму-

щество, похищает его вопреки воле собственника); б) виновное лицо использует ненасильственный способ завладения чужим имуществом (кража совершается в обход сознания и воли потерпевшего); в) виновное лицо, совершая хищение, стремится быть незамеченным (или же скрытыми могут оставаться его действия)⁴.

Исходя из понимания кражи как тайного способа действия, российское законодательство поставило признание его наличия в зависимости от одного из следующих условий: 1) *субъективного* — похититель должен предполагать, что его преступное действие незаметно для других; 2) *объективного* — потерпевший или окружающие его лица не должны сознавать факта преступного изъятия имущества.

Таким образом, характеризуя кражу как тайное хищение, можно предположить, что тайным хищением является ненасильственное, скрытое завладение чужим имуществом виновным при отсутствии у него каких-либо правомочий по имуществу, характеризующееся тем, что такое хищение осуществляется в отсутствие потерпевшего или иных лиц, в присутствии потерпевшего или посторонних лиц, но незаметно для них, в присутствии посторонних лиц, не понимающих характера совершаемых действий и значения происходящего, либо же осуществляется при непосредственном наблюдении посторонних лиц, но не обнаруживающих себя виновному, или в присутствии каких-либо лиц, со стороны которых у виновного не возникает оснований опасаться противодействия и разоблачения.

«Тайность» всегда была присуща краже и характеризовала больше обстановку совершения преступления, нежели его способ. Однако этот элемент преступного посягательства прочно усвоен законодателем

³ О различных аспектах соотношения тайного и открытого хищения, степени опасности лица, совершающего противоправное завладение чужим имуществом, и нетождественных подходах к самому понятию воровства см. полемику автора настоящей статьи с Р. Е. Токарчуком: Хилута В. В. Формы хищения в доктрине уголовного права. М., 2014. С. 25—28; Токарчук Р. Е. Проблемы института хищения в уголовном праве // Библиотека криминалиста. 2016. № 6. С. 371—379.

⁴ См.: Хилута В. В. Формы хищения в доктрине уголовного права. С. 26—27.

и правоприменителем, несмотря на логические противоречия описания способа деятельности при хищении. Очевидно, что центр тяжести при определении объективной стороны кражи лежит не в плоскости «тайного хищения», а в ненасильственном способе преступного завладения чужим имуществом. При этом способ характеризуется тем, что виновный стремится избежать какого бы то ни было видимого контакта с собственником или титульным владельцем похищаемого имущества либо с посторонними лицами, могущими воспрепятствовать преступлению и изобличить преступника. Ненасильственное завладение чужим имуществом характеризуется также отсутствием какого бы то ни было физического или психического насилия над личностью потерпевшего, виновный для совершения преступления не использует какие-либо правомочия в отношении похищаемого имущества и свое положение, значения не имеет и правовое отношение потерпевшего к изъятию у него имуществу.

В свете вышесказанного подход к пониманию кражи должен быть изменен. Кража, действительно, может совершаться в особой обстановке — тайно, однако способ осуществления данного преступления (хищение, завладение) должен указывать на то, что такое преступление может совершаться скрытно, без взаимодействия с потерпевшим, ненасильственным путем, без использования правомочий и оказанного ему доверия в отношении переданного имущества. Существующую же практику квалификации рассматриваемых случаев как тайного хищения можем объяснить лишь неразвитостью нормы о злоупотреблении доверием и непониманием ее сути⁵.

⁵ Авторское видение данного вопроса подробно раскрыто в следующих работах: Хилота В. В. Новый подход в понимании сущностных признаков кражи // Библиотека уголовного права и криминологии. 2013.

Помимо вышеприведенных признаков кражи, можно также сказать, что сущностное содержание «тайности» кражи как ненасильственного хищения состоит в следую-

№ 4. С. 54—62; Хилота В. В. Злоупотребление доверием — самостоятельная форма хищения // Вопросы правоведения. 2011. № 3. С. 244—262. По сути, оставаясь в структуре нормы о мошенничестве, злоупотребление доверием зачастую отождествляется с обманом, однако, на наш взгляд, оно не имеет ничего общего с мошенническим обманом. Это обстоятельство тормозит самостоятельное применение нормы о злоупотреблении доверием, и чаще всего этому способу имущественного посягательства не придают самостоятельного значения. Сказанное позволяет расширительно толковать объективные признаки кражи и относить к данному понятию случаи, которые больше подпадают под признаки иного самостоятельного способа преступления — злоупотребления доверием. Тем не менее при соотнесении данных способов совершения имущественных преступлений необходимо учитывать, что порой хищение становится возможным благодаря особой обстановке, но она создается не виновным, а собственником имущества (когда он сам передает имущество виновному) в силу характера выполняемой работы или осуществляемых функций, которые присутствуют у виновного благодаря воле собственника (наимателя). От виновного, совершающего такое преступление, не требуется преодоления внешних препятствий; единственным сдерживающим фактором является внутренняя устойчивость самого человека. Последующее же хищение в этой ситуации возможно в силу злоупотребления оказанным лицу доверием, имеющимся положением, причем дальнейшая обстановка (тайности) значения не имеет. Склонность совершить такое преступление возникает тогда, когда это имущество находится в фактическом владении (в широком смысле слова) виновного. Однако совершаются эти преступления не в силу тайности хищения, а благодаря наличию особых характеристик преступного способа деятельности виновного, который может быть порожден различными условиями и обстоятельствами.

щем: а) лицо стремится избежать какого бы то ни было видимого контакта с собственником имущества или иными посторонними лицами; б) деяние виновного не сопровождается применением физического или психического насилия к потерпевшему, а связано с преодолением препятствий в целях завладения имуществом; в) виновный в целях завладения чужим имуществом не использует имеющиеся у него правомочия или положение (служебное, должностное), не злоупотребляет оказанным ему доверием и не использует обман как способ похищения.

Социальная сущность *присвоения найденного чужого имущества* состоит в невыполнении лицом правовой обязанности передать имущество по принадлежности. С этой точки зрения присвоение найденного имущества представляет собой безвозмездное обращение в свою пользу или в пользу других лиц заведомо чужого имущества путем его противоправного удержания. Удержание здесь выступает как своеобразный способ совершения имущественного преступления. Удерживая найденное имущество, лицо преступно обогащается. При этом необходимо иметь в виду, что в момент удержания чужого имущества виновный может совершать и совершает активные действия, которые способствуют достижению преступных целей (например, приносит имущество домой и прячет его). С физической стороны его нельзя признать абсолютно бездействующим, но с социальной — можно, так как при этом лицо не возвращает (удерживает) заведомо чужое найденное имущество.

В целом находка объединяется с иными предметами в общее понятие «бесхозные вещи», т. е. те, которые не имеют собственника или собственник которых неизвестен, либо вещи, от права собственности на которые собственник отказался (ст. 225 ГК РФ). Поэтому действия лица, об-

наружившего находку, различаются в зависимости от того, известен хозяин утерянной вещи либо нет. Знание о том, кому принадлежит утраченная вещь, указывает на осведомленность лица о ее владельце и его правах на это имущество и, соответственно, на отсутствие такого права на приобретение находки и обращение найденного имущества в свою собственность.

Таким образом, положения о находке (в силу которого нашедший потерянную вещь обязан немедленно уведомить об этом лицо, потерявшее ее) не могут распространяться на случаи, когда собственник утерянной вещи известен. В подобных ситуациях принимать во внимание необходимо тот факт, что понятие «находка» основано на случайности данного события, и вознаграждение нашедшему предполагает определенные усилия в связи с отысканием самой вещи, а также собственника. Поэтому, если вещи оставлены в номерах гостиниц, в мастерских и т. д., когда собственник известен, то они не могут быть находкой. Их возврат собственнику — обязанность соответствующих заведений. Присвоение таких вещей должно образовывать хищение чужого имущества (кражу), а не присвоение находки или же неосновательное обогащение.

Находка же, для того чтобы признаваться таковой, требует неизвестности собственника. В этой части уголовно наказуемыми должны признаваться случаи присвоения найденного имущества, когда собственник (или титульный владелец) найденной вещи был известен нашедшему. Следовательно, «неизвестности» нет, если нашедший знает, кому принадлежит вещь или может по иным ее характеристикам и условиям определить личность собственника.

Примером неправильного понимания данного тезиса может служить уголовное дело, рассмотренное Волоколамским городским судом Московской области.

Гражданин А. был обвинен в краже чужого имущества по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ с причинением потерпевшему значительного ущерба. Подсудимый видел, как у гражданина Р. из кармана выпал мобильный телефон, однако не сообщил ему о потере. Дождавшись, когда Р. удалился от своей вещи, А. поднял телефон и присвоил его. На следствии и судебном заседании А. свою вину в хищении телефона признал полностью и был приговорен к реальному сроку наказания. Однако судебная коллегия по уголовным делам Московского областного суда при рассмотрении указанного дела обвинительный приговор в отношении А. полностью отменила, оправдав его, так как, по мнению судебной коллегии по уголовным делам, подсудимый не предпринимал никаких активных действий, направленных на неправомерное изъятие имущества у Р., следовательно, в действиях А. не содержится состава преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ. Присвоение находки не может рассматриваться как хищение⁶.

Таким образом, для квалификации присвоения чужого имущества в качестве кражи должно иметь место осознание присваивающим лицом принадлежности вещи конкретному человеку и возможности возврата вещи собственнику. Как кража должны квалифицироваться действия лица, достоверно знающего, кому принадлежит имущество, либо знающего, что собственник может вернуться за забытой вещью. Если при утрате вещи законный владелец точно не знает о месте ее нахождения, то при оставлении оно ему достоверно известно. И эти обстоятельства — оставления или утраты — должны определяться

исходя из конкретных признаков внешней обстановки утраты и обретения имущества: где именно и каким образом там находилась вещь.

В случае обнаружения вещи в помещении необходимо установить не только специфику помещения, а то, что виновный осознавал, что вещь является забытой, а не потерянной и собственник обязательно за ней вернется. Следовательно, при доказывании этого факта необходимо учитывать не столько специфику помещения, в котором имущество было оставлено, сколько конкретное местонахождение (месторасположение) имущества в помещении. Факт неизвестности собственника утерянной вещи, ее конкретное местонахождение и условия утраты будут свидетельствовать о том, что такая вещь действительно является находкой и подобравшее ее лицо не может автоматически признаваться виновным в краже чужого имущества.

Таким образом, сущность правового регулирования находки базируется на предположении, что собственник вещи, которая потеряна, может быть найден⁷. Исходя из этого, при потере утрачивается не собственность, а лишь владение — фактическое господство над вещью. В данном случае правовое значение имеет не то, знает или не знает собственник, где находится его вещь, а то, знает или не знает нашедший вещь ее владельца, а также его волю

⁶ См. определение судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 21 июня 2011 г. № 22-4060. На наш взгляд, в подобных ситуациях знание владельца имущества и осознание того, кому принадлежит вещь, должны указывать на противоправность действий лица, присваивающего такое имущество.

⁷ Потерянная вещь — это предмет, не имеющий идентификационных признаков принадлежности и находящийся в месте, которое собственнику или владельцу неизвестно. Так, потерянные в лесу часы для нашедшего их являются находкой, а оставленный в лесу на длительное время автомобиль — нет. Если таким автомобилем завладеет обнаруживший его без владельца какой-либо субъект с намерением обратить его в свою пользу, он совершит кражу, поскольку очевидно, что автомобиль оставлен без присмотра на время и принадлежность его легко устанавливается.

в отношении вещи. Об этом можно судить по объективной обстановке, при которой была найдена вещь, и в такой ситуации первостепенное значение имеет местонахождение вещи, ее месторасположение, идентификационные признаки и т. д. Лишь в совокупности данных признаков можно будет ответить на вопрос о воле собственника имущества и предполагал ли он за ней вернуться.

По уголовному делу обвиняемый Б. помимо других преступлений был осужден и за кражу по ч. 1 ст. 158 УК РФ при следующих обстоятельствах. Так, согласно показаниям потерпевшей Ю. она, подойдя к своему рабочему месту — кассе, положила кошелек на автомат с игрушками и забыла про него. В дальнейшем она обнаружила пропажу кошелька, в котором находились деньги, паспорт на ее имя, пенсионное удостоверение и банковская карта. Из ее показаний следует, что в социальной сети «ВКонтакте» Ю. пришло смс-сообщение от неизвестного мужчины, который нашел паспорт и хочет его вернуть. Она сообщила номер телефона мужчины. Далее при просмотре камеры видеонаблюдения увидела мужчину, похитившего кошелек. В дальнейшем этот мужчина пришел в магазин, где и был задержан. При личном досмотре Б. из его рюкзака изъяты кошелек, паспорт гражданина РФ, банковская карта «Сбербанка» и страховое свидетельство на имя Ю. Суд кассационной инстанции, рассматривая данное уголовное дело, указал, что согласно ст. 227 ГК РФ находка представляет собой обнаружение чужой вещи, которая выбыла из владения собственника помимо его воли. При этом, если присвоение имущества происходит в административных зданиях или других публичных местах с ограниченным пространством, то в этих случаях следует констатировать «забытость» вещи ее собственником: в подобных случаях лицо, присваивающее вещь, имеет основание полагать, что внешние условия, обстановка, положение и состояние вещи свидетельствуют о том, что она не потеряна владельцем,

а временно оставлена или забыта им. Если забытая вещь находится в месте, известном собственнику или владельцу, и он имеет возможность за ней вернуться или иным способом ее получить, лицо, присвоившее эту вещь, совершает кражу. Как установлено по делу и усматривается из показаний потерпевшей, забытый в магазине на автомате с игрушками кошелек находился в известном ей месте, она имела возможность за ним вернуться, что и было сделано ею через непродолжительное время. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что кошелек не выбыл из владения собственника. Тщательно и всесторонне исследовав собранные по делу доказательства, дав им надлежащую оценку, суд обоснованно постановил обвинительный приговор и правильно квалифицировал действия Б.⁸

Сомнительно утверждение, что при завладении чужим найденным имуществом никогда не может быть кражи, ибо не совершаются активные действия по изъятию такого имущества⁹. Если «изъятие» рассматривать как перевод, выведение имущества из сферы юрисдикции собственника в фактическое обладание виновного, то действия, образующие кражу, имеют место. Ведь лицо, зная, что найденное имущество ему не принадлежит, совершает активные действия по его приобщению в свой имущественный фонд, т. е. обращает это имущество в свое фактическое владение. Более того, в ряде ситуаций виновный удерживает присвоенное имущество и совершает активные действия по его сокрытию и невозвращению собственнику или законному владельцу. То есть, найдя и присвоив

⁸ См. постановление Московского городского суда от 25 апреля 2017 г. № 4у/2-1030.

⁹ См.: Карпов К. Н., Галян С. В. Квалификация неправомерного присвоения найденного имущества // Законодательство и практика. 2014. № 1. С. 48; Лукинов А. С., Малавкин К. О. Кража или находка — трудности и заблуждения // Законность. 2017. № 10.

чужую движимую вещь, виновный завладевает ею, переводит это имущество в свое физическое обладание помимо воли и согласия собственника имущества. Противоправным изъятием или обращением достигается определенное разрушение правового владения собственника, вывод его имущества из сферы законного обладания. Поэтому завладение найденным имуществом — это и есть такой переход имущества в обладание виновного, который позволяет реально осуществить распоряжение им по усмотрению виновного (спрятать, унести, передать другим лицам и т. д.). Именно фактическое обладание имуществом характеризует тот результат, который приближает виновного к его конечной цели: завладению имуществом. С этой точки зрения «изъятие» и «обращение» представляют собой средство достижения преступной цели — завладения чужим имуществом.

Завладение (присвоение) найденной вещью — это изъятие или обращение чужого имущества, связанное с полным его переходом в противоправное обладание преступника. Здесь не способ деятельности виновного предопределяет вопрос об отграничении кражи от присвоения найденного имущества. Для констатации факта хищения важное значение имеют иные критерии: свойство имущества относительно принадлежности его собственнику (потеряно ли оно, забыто или утрачено) и элементы обстановки, в которой оно было найдено. Например, конкретное местонахождение имущества может прямо указывать на то, что оно было оставлено, забыто, а не потеряно или выброшено собственником, а его идентификационные признаки будут свидетельствовать об отсутствии обстоятельств, бесспорно указывающих на бесхозность имущества.

По приговору суда Д. признан виновным в том, что он совершил тайное хищение имущества, принадлежащего по-

терпевшей К., причинив ей значительный материальный ущерб на общую сумму 122 477 руб. 16 коп. К. приобрела номерной сертификат ПАО «Сбербанк» стоимостью 120 000 руб. 75 коп., при покупке которого она была указана как его держательница. К. решила обналичить указанный сертификат, убрала его с паспортом и иным имуществом в папку, которую положила в свою сумку. На улице она обнаружила, что папка из сумки пропала, и обратилась по факту кражи сумки в отделение полиции по месту своего жительства, а на следующий день — в отделение ПАО «Сбербанк», где сообщила о хищении сертификата и получила информацию о том, что накануне ее сертификат был обналичен. В апелляционной жалобе и дополнениях к ней осужденный Д. указывал, что судом неправильно применен уголовный закон, допущены процессуальные нарушения. Д. утверждал, что из фактических обстоятельств дела следует, что он нашел сертификат, а не похитил его. Присвоение же найденной вещи влечет ответственность в рамках гражданско-правовых отношений, и с его стороны имело место присвоение находки. Как указал суд апелляционной инстанции по данному делу, показания Д. об отсутствии у него умысла на хищение сертификата, а также доводы о находке судом первой инстанции проверены и оценены в приговоре. При этом, вопреки доводам жалобы осужденного, которым суд первой инстанции дал надлежащую оценку, факт обнаружения сертификата на улице не способен повлиять на юридическую оценку действий Д., поскольку он осознавал, что сертификат ему не принадлежит, отверг предложения о сдаче сертификата в правоохранительные органы, решил его обналичить по чужому паспорту, попросив также в случае, если его будут искать, описать человека с другой внешностью. Таким образом, Д., осознавая противоправность своих действий и зная, что владелец сертификата может сообщить о его утере, действовал быстро и не желал быть найденным, не собираясь возвращать сертификат законному владельцу, а денежные сред-

ства планировал потратить на личные нужды, что и сделал. Таким образом, суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу о том, что объективная сторона преступления заключается в незаконном безвозмездном изъятии и обращении денежных средств потерпевшей в пользу осужденного. При таких обстоятельствах доводы жалобы об отсутствии состава преступления являются необоснованными¹⁰.

При решении вопроса о том, вышло ли имущество из владения (обладания) собственника или иного владельца, необходимо учитывать конкретные обстоятельства дела, в частности место обнаружения имущества виновным, характер и свойства этого имущества, условия при которых оно было найдено (обнаружено) и т. д. Если имущество находится во владении потерпевшего (например, в его жилище или другом месте, являющемся обычным или надлежащим местонахождением вещи), завладение им образует хищение. Если виновный завладевает имуществом в присутствии потерпевшего (например, только что выронившего вещь из кармана) или присваивает имущество, по забывчивости или по иным причинам оставленное в том или ином месте только что ушедшим или вышедшим собственником (или иным владельцем), то в действиях такого лица также усматриваются признаки хищения чужого имущества. В подобных ситуациях имущество по существу продолжает оставаться во владении потерпевшего, который, обнаружив потерю, имеет возможность (и виновный отдает себе в этом отчет, учитывая конкретное местонахождение вещи в момент ее присвоения) тотчас же отыскать это имущество. Завладение имуществом при таких условиях в большинстве случаев имеет своим результатом лишение потерпевшего вполне реаль-

ной возможности вернуть себе утраченное или оставленное им имущество.

Имущество, временно оставленное собственником без присмотра, считается находящимся в его владении, и завладение им другим лицом квалифицируется как кража. К такому имуществу следует отнести имущество, которое: а) оставлено собственником в достоверно известном ему месте или на непродолжительное время, т. е. на время, которое в разумных пределах позволяет владельцу обоснованно, а не голословно обратиться к администрации учреждения либо предполагаемому лицу, завладевшему имуществом, с требованием его возврата; б) имеет идентификационные признаки принадлежности конкретным людям или субъектам хозяйствования; в) находится в месте, позволяющем присутствующим или окружающим лицам либо работникам организации, а также ее клиентам обзирать вещь в момент ее отчуждения; г) пребывает без присмотра в пределах обособленной территории организации (учреждения).

При определении критериев разграничения кражи и присвоения найденного за основу должен приниматься также субъективный признак, т. е. необходимо определить направленность умысла лица, подбирающего и присваивающего чужое имущество. Тем не менее определение признаков находки или кражи в действиях лица, нашедшего чужое имущество по элементам субъективной стороны находчика, должно быть весьма осторожным, следует принимать во внимание и объективные признаки, которые будут подтверждать либо опровергать умысел лица на присвоение находки или же кражи чужого имущества. То есть намерение лица необходимо устанавливать по дополнительным обстоятельствам: место утраты и нахождения имущества; конкретное местонахождение имущества относительно иных предметов и опреде-

¹⁰ См. апелляционное постановление Московского городского суда от 2 августа 2017 г. № 10-9260/17.

ленного круга лиц (потенциальных владельцев); наличие идентифицирующих признаков утраченного имущества и др.¹¹

Поэтому если происходит присвоение имущества в административных зданиях, пунктах осуществления расчетно-кассовых мероприятий и других публичных местах ограниченного пространства, то чаще всего в этих случаях мы должны констатировать презумпцию «забытости» вещи ее собственником (хотя отнюдь и не всегда), так как в подобных случаях лицо, присваивающее эту вещь, имеет разумное основание полагать, что внешние условия, обстановка, положение вещи свидетельствуют о том, что она не потеряна ее владельцем, а оставлена или забыта им. Однако, даже если потерпевший не знает, где именно он утратил свое имущество, но лицо, подбирающее такое имущество, достоверно знает, кому оно принадлежит или имеет разумное основание полагать, где находится владелец вещи и что он может за ней вернуться, должно быть повинно в хищении (краже). Иначе говоря, для констатации факта хищения значение имеет свойство имущества, его местонахождение и элементы обстановки, в которой оно было найдено.

Уголовная ответственность не может наступать за присвоение случайно оказавшегося у лица имущества. Несообщение о чужой ошибке не является основанием для привлечения лица к уголовной ответственности за хищение, потому как такое поведение не составляет причину противоправного перехода чужого имущества в обладание виновного лица, свойственного хищению. В данном случае лицом не предпринимаются какие-либо действия, имеющие своей целью инспирирование ошибки со стороны лица, владеющего таким имуществом.

В отличие от найденного, случайно оказавшимся у лица имуществом необходимо считать такое имущество, которое бы отвечало следующим признакам: а) это имущество временно выбыло из владения собственника или иного законного владельца; б) лицо, у которого оказалось такое имущество, получило его в силу случайного стечения обстоятельств; в) лицо, получившее такое имущество, не предпринимало никаких активных действий, направленных на обособление этого имущества от собственника или иного титульного владельца¹²; г) умысел лица на оставление имущества у себя возник после получения предмета в фактическое обладание.

Районным судом вынесен приговор в отношении З. по п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ в виде лишения свободы сроком на три года с отбыванием наказания в колонии общего режима со штрафом в размере 50 тыс. руб. Преступление заключалось в следующем: на счет З. в результате ошибки (невнимательности работников операционного отдела) банка повторно были зачислены деньги в сумме 2 184 611 руб. О зачислении денег к нему пришло смс-сообщение банка о пополнении счета. В период с 8 по 13 августа З. деньги с банковской карты были сняты. Банк обнаружил ошибку лишь 15 августа, затем обратился с требованием о возврате денег, однако не получил добровольное удовлетворение. После чего обратился в суд с иском о взыскании суммы неосновательного обогащения и параллельно с заявлением о возбуждении уголовного дела. Решением суда деньги были взысканы с З. Приговором суда в качестве преступных признаны действия З. по снятию денег со счета (своего счета), оплате товаров и услуг. Отменяя вынесенный приговор и направляя дело на новое судебное рассмо-

¹¹ См.: Хилута В. В. Понятие и признаки хищения в уголовном праве. С. 268—282; Скляров С. Указ. соч. С. 70—71.

¹² См.: Безбородов Д. А. Квалификация присвоения найденного или случайно оказавшегося у лица имущества // Уголовная политика и правоприменительная практика: сб. ст. по матер. III Всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2015. С. 25—29.

трение, суд кассационной инстанции указал, что районным судом в приговоре не приведены доказательства и не установлены обстоятельства, связанные с осуществлением З. противоправных действий, направленных на завладение чужим имуществом с корыстной целью до момента поступления денежных средств на его банковскую карту, т. е. до возникновения реальной возможности пользоваться или распоряжаться ими по своему усмотрению. Обстоятельства, связанные с получением и распоряжением З. ошибочно перечисленными ему денежными средствами, имели место после возникновения у З. реальной возможности пользоваться и распоряжаться денежными средствами по своему усмотрению. В последующем, прекращая уголовное дело по обвинению З. в краже, следователь указал, что в ходе предварительного следствия не установлено, какие именно действия пред-

принял З. с целью незаконного изъятия имущества из владения собственника. Деяние З. подпадает под признаки присвоения найденного или случайно оказавшегося у него имущества, что не образует состава преступления.

Таким образом, основополагающими критериями, которыми необходимо руководствоваться при решении вопроса о разграничении кражи и присвоения найденного чужого имущества, являются следующие обстоятельства: место утраты и обнаружения имущества; наличие идентифицирующих признаков, позволяющих без особого труда установить собственника; знание или незнание нашедшим владельца утраченного имущества; свойство имущества (оставлено, забыто, утрачено) относительно его принадлежности собственнику.

Библиографический список

Безбородов Д. А. Квалификация присвоения найденного или случайно оказавшегося у лица имущества // Уголовная политика и правоприменительная практика: сб. ст. по матер. III Всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2015.

Бочкарев С. А. Собственность в уголовном праве. М., 2011.

Бриллиантов А. Хищение или неосновательное обогащение? // Уголовное право. 2016. № 4.

Васильев Д., Васильев С. Находка или кража? // Законность. 2007. № 9.

Карпов К. Н., Галян С. В. Квалификация неправомерного присвоения найденного имущества // Законодательство и практика. 2014. № 1.

Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность. М., 2012.

Лукинов А. С., Малявкин К. О. Кража или находка — трудности и заблуждения // Законность. 2017. № 10.

Скляр С. Кража забытого имущества // Уголовное право. 2017. № 3.

Токарчук Р. Е. Проблемы института хищения в уголовном праве // Библиотека криминалиста. 2016. № 6.

Хилjuta В. В. Злоупотребление доверием — самостоятельная форма хищения // Вопросы правоведения. 2011. № 3.

Хилjuta В. В. Новый подход в понимании сущностных признаков кражи // Библиотека уголовного права и криминологии. 2013. № 4.

Хилjuta В. В. Понятие и признаки хищения в уголовном праве. М., 2016.

Хилjuta В. В. Присвоение потерянных и забытых вещей // Уголовное право. 2010. № 1.

Хилjuta В. В. Формы хищения в доктрине уголовного права. М., 2014.

Шульга А. В. Хищения в условиях развития современных информационных технологий и рынка инновационных товаров. М., 2016.

References

Bezborodov D. A. Kvalifikatsiya prisvoeniya naydannogo ili sluchayno okazavshegosya u litsa imushchestva [Qualification of assignment of the found or accidentally appeared property]. *Ugolovnaya politika i pravoprimeritel'naya praktika: sbornik statey po materialam III Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. St. Petersburg, 2015, pp. 25—29.

Bochkarev S. A. *Sobstvennost v уголовном prave* [Property in criminal law]. Moscow, 2011. 216 p.

Brilliantov A. Khishchenie ili neosnovatelnoe obogashchenie? [Theft or superficial enrichment?]. *Uголовное pravo*, 2016, no. 4, pp. 9—13.

Karpov K. N., Galyan S. V. Kvalifikatsiya nepravomernogo prisvoeniya naydenного imushchestva [Qualification of illegal assignment of the found property]. *Zakonodatelstvo i praktika*, 2014, no. 1, pp. 46—49.

Khilyuta V. V. Formy khishcheniya v doktrine uголовного prava [Theft forms in the doctrine of criminal law]. Moscow, 2014. 528 p.

Khilyuta V. V. Novyy podkhod v ponimanii sushchnostnykh priznakov krazhi [New approach in understanding of intrinsic signs of theft]. *Biblioteka uголовного prava i kriminologii*, 2013, no. 4, pp. 54—62.

Khilyuta V. V. Ponyatie i priznaki khishcheniya v uголовном prave [Concept and signs of theft in criminal law]. Moscow, 2016. 624 p.

Khilyuta V. V. Prisvoenie poteryannykh i zabytykh veshchey [Assignment of the lost and forgotten things]. *Uголовное pravo*, 2010, no. 1, pp. 45—48.

Khilyuta V. V. Zloupotreblenie doveriem — samostoyatel'naya forma khishcheniya [Breach of confidence as independent form of theft]. *Voprosy pravovedeniya*, 2011, no. 3, pp. 244—262.

Lopashenko N. A. Posyagatelstva na sobstvennost [Criminal infringement of property]. Moscow, 2012. 528 p.

Lukinov A. S., Malyavkin K. O. Krazha ili nakhodka — trudnosti i zabluzhdeniya [Theft or find — difficulties and delusions]. *Zakonnost*, 2017, no. 10, pp. 42—43.

Shulga A. V. Khishcheniya v usloviyakh razvitiya sovremennykh informatsionnykh tekhnologiy i rynka innovatsionnykh tovarov [Theft in the conditions of development of modern information technologies and the market of innovative goods]. Moscow, 2016. 272 p.

Sklyarov S. Krazha zabytogo imushchestva [Theft of the forgotten property]. *Uголовное pravo*, 2017, no. 3, pp. 68—73.

Tokarchuk R. Ye. Problemy instituta khishcheniya v uголовном prave [Problems of institute of theft in criminal law]. *Biblioteka kriminalista*, 2016, no. 6, pp. 371—379.

Vasilev D., Vasilev S. Nakhodka ili krazha? [The found property or theft?]. *Zakonnost*, 2007, no. 9, pp. 32—34.